

Драко

СВИНЦОВЫЙ КОВЧЕГ

СМОТРИ, ОГРОМНОЕ МОРЕ...
Ты видишь точку вдали?
СМОТРИ, БЕЗДОННОЕ НЕБО,
К НЕМУ ПРИКОВАН ТВОЙ ВЗГЛЯД...
СМОТРИ, ПРИБЛИЗИЛАСЬ ТОЧКА,
Ты видишь – ЭТО КОРАБЛЬ,
А ТАМ БЕСКРАЙНЕЕ НЕБО,
Что видишь ты в высоте?

НАУТИЛУС

0

Он двигался с плавностью ледника, скользящего к цветущей долине, столь же неотвратимо и страшно. Оружие в его руке дрожало мелкой, едва видимой дрожью, холод покрывал глаза безжалостным узором. Сегодня, до восхода солнца, многие жизни прервутся. Он постарается, чтобы их было больше.

В душе царила абсолютная пустота. Там не осталось ничего, ушла даже боль. Его предупреждали, что так и будет, но страх умер одним из первых, опередив остальные эмоции. Теперь он просто шагал по тропе, чувствуя, как оружие оттягивает руку.

Раньше он кого-то боялся, кого-то любил... Это осталось в прошлом. Сейчас он только ненавидел. Его мир сузился до узкой, прямой и очень, очень холодной тропы, и он знал, что на том конце – пропасть, и ему было все равно. Лишь бы успеть. Сделать то, ради чего – теперь стало ясно – он в муках явился на этот жестокий свет.

Ритмичное дыхание идущих следом звучало подобно песне кузнечных мхов.

Он слушал, вспоминал, и частичка его сердца по–прежнему сжималась от горечи. Сколько же пришлось пройти, прежде чем им открылась жуткая тропа, ведущая в пропасть... Сколько боли, сколько ненависти – и сколько любви осталось позади! Любовь могла бы залечить раны в их душах, если бы ей позволили.

Но тогда источник ненависти останется цел. А это значит, что сотни, тысячи жизней будут обрываться в мучительной агонии, год за годом, столетие за столетием. Он вызвал в памяти одну из сжигавших его картин, и оружие дрогнуло сильнее.

Шли молча. Когда впереди открылась цель, Солнце поспешило скрыться за горизонтом, не желая ни видеть, ни слышать, ни думать о том, что должно было скоро произойти.

Солнцу на следующий день вновь предстояло светить...

Ржавые прутья торчали из обломков эстакады как ссохшиеся, окровавленные сухожилия. Низкие хлорные облака ядовито–желтого пара клубились над горячим озером, вспученной кожей отражаясь в его мутной воде, наполняя и без того смертоносный воздух невыносимым зловонием. Маслянистая пленка на камнях меняла цвет с каждой волной.

Медведь сидел под нависшим осколком древней магнитной дороги и наслаждался теплом, тянувшимся от горячей воды. Погода сегодня была хорошей. Серый снег сходил на нет в десятке метров от берега, ветер гнал поземку из отяжелевшего влажного пепла. Под его напором провода и обрывки тросов, свисавшие с эстакады, извивались как змеи с раздавленными головами.

Вой ветра едва проникал сквозь шлем скафандра; тяжелое дыхание Медведя и ритмичное жужжание моторчика снегоочистителя почти забивали остальные звуки. Но

это не страшно, поблизости от озер краты не летают. Запах хлора столь же противен им, как и людям.

Медведь взглянул на часы, мысленно выругался и еще раз пересчитал канистры. Семь полных, одна на треть. Удачный рейд, теперь можно целый месяц отдыхать. Давно пора... Медведь чувствовал слабые угрызения совести за то, что так гонял пацана. Конечно, для него здесь дом родной, но все же... Парню ведь едва перевалило за двенадцать. Сам Медведь в таком возрасте даже на поверхности еще не бывал.

– Талли, завязываем, – произнес грузный, широкоплечий пожилой мужчина в белом защитном скафандре. Его длинные седые волосы были собраны под шлемом в хвост, глаза скрывал светофильтр. Скуластое лицо никто не назвал бы красивым.

– Я сейчас! – звонкий голос из наушников заставил Медведя поморщиться. Давно пора починить приемник, так и оглохнуть недолго.

– Талли, нам пора.

– Ну еще минутку! – в голосе мелькнуло напряжение. – Я почти... Отбил... Есть! Возвращаюсь.

Из озера вынырнуло странное пучеглазое существо с толстыми, неловкими лапами и волнистой коричневой кожей. Медведь включил лебедку и выволок термический скафандр на берег. В одном из манипуляторов мрачно алел крупный булыжник.

– Смотри, какой самородок! – Талли протянул камень. – Там и побольше...

Медведь отпрянул:

– Выбрось! – резко приказал он. – Быстро и сильно, дальше от берега!

Мальчик запнулся. Но жизнь давно приучила его к осторожности, и сейчас, ни словом ни возразив, он неуклюже махнул рукой, бросив булыжник в воду. Медведь оттащил скафандр Талли назад.

– Не трогай то, с чем не знаком, – терпеливо сказал он, когда мальчик раскрыл зажимы на плечах и откинул шлем. – Эти камни называются бурсы. Они твердые лишь в воде, на воздухе плавятся. Мог лишиться руки.

Талли молча кивнул. Он отличался от своего приемного отца, как снег от огня. Высокий, гибкий, его бледная белая кожа казалась прозрачной, на плечи ниспадали гладкие темно–серые волосы. Длинное и узкое лицо Талли, острые уши, серебристые

миндалевидные глаза и неестественно длинные, хрупкие на вид пальцы, не оставляли сомнений в родстве мальчика с очень редкими и таинственными мутантами, которых люди прозвали "зоннерами".

– Проверь уровень, – попросил Талли. Медведь отцепил с пояса счетчик и дотронулся сенсором до шеи мальчика. Цифры на дисплее отразили более чем восьмикратную смертельную дозу облучения – смертельную для человека.

– Все в порядке, – буркнул Медведь. – Снимай жакет и лезь в кузов под душ.

Мальчик вздохнул.

– А можно, я пока посижу в скафандре?

– Лезь, не бойся. Я прогрел машину заранее.

Талли просиял:

– Спасибо! – юрко выскользнув из термокостюма, он голышом поскакал по снегу к массивному вездеходу, спрятанному в ближайшей воронке. Тяжело покачав головой, Медведь принялся собирать вещи.

За минувшие дни дорога, прорезанная плазменным грейфером, вновь обледенела и скрылась под толстым слоем серого снега. Вездеход медленно полз сквозь ночь, содрогаясь от чудовищных порывов ветра. Молнии непрерывно рассекали небосвод, время от времени били в машину, наполняя кабину зловещим гулом, стеклоочистители беспомощно метались перед глазами. Медведь чувствовал, как под гусеницами вездехода хрустит ледяной пепел.

Он был уже стар, ему перевалило за сорок. Немногие люди могли похвастать столь долгой и успешной жизнью. Прозвище "Медведь" он получил за необоримую, дикую природную силу, позволявшую ему голыми руками гнуть траки от гусениц и рвать брезент; настоящее имя – Айван – давно никто не употреблял.

"Почти никто" – Медведь покосился на Талли, уютно свернувшегося прямо под пультом управления. Там находился раструб обогревателя кабины, а мальчик, как и все зоннеры, очень любил тепло.

Несколько лет назад они раскопали чудом сохранившийся визор, где среди кристаллов нашелся фильм про животных. Увидев кошек, Медведь был поражен. Сейчас, глядя на спящего мальчика, старый охотник не впервые поймал себя на мысли, что в Талли есть очень многое от тех грациозных, давно вымерших тварей. Возможно даже, в первые десятилетия после Падения какой-то безумец создал зоннеров из кошек...

– Что случилось, Айван? – не раскрывая глаз, внезапно спросил Талли.

Медведь вздрогнул:

– Ничего.

– Ты смотрел на меня.

– Размышлял.

– О чем? – Талли открыл слегка вытянутые серебряные глаза и улыбнулся.

Медведь покачал головой.

– О всяком, – он вздохнул. – Спи дальше. Ураган скоро кончится, утром могут появиться краты. Лондон всего в трех сотнях лиг отсюда...

Талли сел.

– Пролетит над нами? – спросил он серьезно.

– Да.

– Мы успеем вернуться?

Медведь ощерил неровные зубы в ухмылке.

– Если не помешают.

Мальчик выбрался из-под пульта и уселся в кресло второго пилота. Закутался в теплую накидку.

– Айван, а ты бывал под городом?

Старый охотник покосился на Талли.

– На поверхности?

– Ну да.

Медведь отвернулся.

– Я жив, – сказал он угрюмо. – Значит, не бывал.

Вездеход качнуло на глубокой трещине, Талли пришлось вцепиться в подлокотники. Медведь привычным движением выпрямил машину.

– Если ты на поверхности, прятаться негде, и приближается город, заройся в снег, – посоветовал он хмуро. – Заройся глубоко, как только сможешь. Это все равно не спасет, но... Так спокойнее. Можно верить, будто есть шанс.

Талли подался вперед:

– А шансов совсем– совсем нет?

– Совсем, – резко ответил Медведь. – Сенсоры просвечивают снег на десять метров. Впрочем, у таких, как ты, один шанс все же есть... – он обернулся к мальчику. – Детекторы не найдут человека в зоне сильного излучения. Запомни, если случится так, что мы не успеем в убежище, выбирайся из машины, раздевайся и беги к ближайшей воронке. На тебе не должно остаться ничего металлического или пластикового.

Талли помолчал.

– Я замерзну.

– В воронках всегда тепло, – хмуро ответил Медведь. – Подождешь там... пока со мной закончат, потом заberi из машины скафандр и дуй в убежище.

Некоторое время слышен был только вой урагана снаружи. Мальчик зябко кутался в накидку.

– Над моим островом города не летали, – сказал он внезапно. – А здесь... Будто плохой сон...

– Кто бы нас разбудил, – буркнул Медведь.

– Неужели это везде? Во всем мире – так?

Старый охотник покачал головой.

– Только на поверхности.

Талли сжал кулаки.

– Другого дома у нас нет!

Медведь усмехнулся.

– Ты не хуже меня знаешь, как попасть в город. Будешь жить сытно и спокойно... Одни заботы от этой "свободы", – он передернул плечами. – Чем старше я становлюсь, тем чаще над этим задумываюсь.

Талли отпрянул.

– Айван, с тобой все в порядке? – спросил он тревожно.

Медведь хотел сплюнуть, но вспомнил, что очиститель кабины давно сломался, и лишь выругался сквозь зубы.

– Слишком в порядке, – отозвался он угрюмо. – Спи. Утром придется работать за четверых.

Притихший мальчик кивнул и вновь забрался к себе под пульт. Вездеход мерно покачивался на застывших волнах вскипевшей земли.

2

Тучи смущенно порозовели, встречая обнаженное Солнце, и сомкнулись плотнее, оберегая наготу светила от бесстыжих взглядов людей. Перепад температуры, как всегда, вызвал кратковременную метель, но за ночь ураган уже разметал весь рыхлый снег, и воздух быстро очистился. Медведь бросил взгляд на шкалу термометра.

– Плохо, – пробормотал он, отметив заметное потепление. Теперь краты появятся наверняка. Вопрос лишь, сколько и как хорошо вооруженные... А до убежища предстояло ехать еще пару часов.

Круглый экран радара пока оставался чистым, однако это ничего не значило. Радиус действия установки не превышал полулиги, чтобы ее труднее было засечь из пролетающего вдали города. Кроме того, Медведь знал, что некоторые краты ни во что не ставят сам процесс охоты и ценят лишь трофеи. Такие могли затребовать со спутника карту перемещений дичи и с двух–трех лиг запустить в вездеход ракету...

– Эй, – Медведь толкнул спящего мальчика. – Вставай.

Сонный Талли выбрался из– под пульта и уселся в кресло второго пилота. Зевнул, бросил взгляд на термометр... Огляделся сквозь обледеневшие окна кабины.

– Оттепель?

– И ветра нет, – Медведь вздохнул. – Вот что, парень. Одевайся теплее, садись на сани и жми обратно по нашему следу. В лиге от машины брось чаффу и полным ходом обратно.

Удивленный Талли обернулся:

– Разве у нас еще остались чаффы?

– Есть... Парочка... – неохотно признался Медведь. – Думал сберечь...

Мальчик уже напяливал толстый вектильный комбинезон.

– А может, пронесет?

– Слово "может" убило больше охотников, чем краты, – Медведь грузно выбрался из кресла и положил тяжелую руку на хрупкое плечо Талли. – И вот еще. Возьми радар и карту. Увидишь, что меня засекли – даже не думай возвращаться, гони в убежище.

– Ясно, Айван. – Талли серьезно кивнул. – Удачи тебе.

– Крату под хвост, – буркнул Медведь.

Он помог мальчику выгрузить тяжелые аэросани и несколько секунд стоял в дверном проеме, глядя как вдали исчезает сверкающий снежный вихрь. Вездеход неторопливо полз вперед. Слишком неторопливо для такой погоды.

Вернувшись в кабину, Медведь отключил все контуры, которые можно было засечь издали, довел обороты турбины до предела и слегка изменил курс, рассчитывая выиграть пару минут. Мысли бросить вездеход у него даже не возникло; эта машина кормила и спасала стольких людей, что легче было погибнуть в когтях развлекающегося крата. Старый охотник не заметил, как на гаснущем экране радара возле яркой блески аэросаней появилась другая, маленькая и тусклая.

Талли в это время наслаждался гонкой. Ему редко доводилось управлять машинами, даже в убежище, слишком уж редкими и ценными были работающие аппараты. Однако шалости или бессмысленное лихачество мальчика не влекли: он знал цену опасности. Дома, на острове... Пока у него был дом... Пока не прилетели эти чешуйчатые гады...

Талли встряхнулся. Прошлое не вернуть. Отомстить за родителей он сможет, лишь когда вырастет и научится у старого Медведя всему, что тот знает. Мальчик глубоко уважал своего мрачного опекуна, хотя полюбить его так и не сумел. Однако он отлично знал, сколь многим рисковал Медведь, когда взял на воспитание полумертвого детеныша– мутанта. И еще Талли знал, какая судьба его ожидала, окажись в ту ночь рядом с разбитой машиной другой человек...

Спидометр отметил полную лигу, и мальчик резко развернул сани, заставив их

пойти юзом. Маленький радар, примотанный к рулю изолентой, обладал слишком низкой чувствительностью, чтобы засечь вездеход в лиге отсюда, поэтому Талли с некоторым удивлением заметил слабый, размытый сигнал в том направлении.

"Что-то отражает", решил он, выбрался из саней и быстро закопал в снег небольшую черную коробку. Но едва чаффа заработает, радар ослепнет, поэтому, прежде чем включить ее, Талли вернулся к саням и еще раз взглянул на припорошенный серым инеем экранчик. Сигнал явно приблизился, однако оставался столь же нечетким. Словно...

Мальчик вздрогнул всем телом. Он уже видел такой сигнал, в ночь когда погибли его родители. Совсем близко отсюда, менее чем в трехстах метрах, искал добычу "скорпион".

Талли совершенно автоматически бросился к саням, прыгнул в седло и уже коснулся кнопки, когда до него дошло, что робот охотится не за вездеходом, а за ним. Это, должно быть, был очень старый или поврежденный "скорпион", иначе радар никогда бы его не обнаружил. Если вернуться к Медведю, робот пойдет по следу и уничтожит вездеход...

Молодой зоннер в отчаянии огляделся. Увиденное его не обрадовало. Метрах в ста на север начинались руины какого-то довоенного поселения, осколки стен торчали из снега ребрами мертвых животных. Рухнувшая эстакада магнитной дороги, вдоль которой они с Медведем добирались к озеру, здесь уже полностью ушла под землю. Никакого укрытия, даже воронок поблизости не было.

Из оружия у мальчика имелся только пистолет и одна небольшая граната, против бронированного "скорпиона" – все равно что иголка против крата. Шансов не было. Хотя...

Вскочив, Талли бросился к месту, где закопал чаффу, вытащил ее и быстро вернулся к саням. Двигатель взвыл на максимальных оборотах. Едва удерживая равновесие, Талли домчался до руин неизвестного поселка и резко затормозил у стены здания, которое сохранилось лучше других. Если повезет... Очень повезет...

Он толкнул сани под самую стену, вывинтил крышку топливного бака, сорвал с руля радар и изолентой примотал гранату к горловине. К счастью, мальчик всегда носил с собой моток проводов на случай поломки электрооборудования.

Талли привязал провод к кольцу гранаты и, двигаясь как можно быстрее, отступил под прикрытие ближайшего куска стены. Прикрытие было весьма жалким, ну да ничего, "скорпионы" никогда не отличались интеллектом, а здесь наверное будет одна из первых моделей. Лишь бы взрыв не привлек крата или другого робота... Глубоко вздохнув, Талли быстро зарылся в серый снег. Теперь оставалось только ждать.

Минуты тянулись бесконечно. Талли нервничал, опасаясь, что робот не заметит отсутствия человека в санях и уничтожит их издали. Но ему повезло. Вскоре послышался слабый шум воздуха и справа, метрах в двадцати от затаившегося мальчика, из снежной пустыни возникло жуткое серо– белое чудовище.

Такого старого "скорпиона" Талли не видел даже в учебной книге. Робот, видимо, не раз и не два участвовал в боях, его панцирь был сильно погнут и даже пробит в нескольких местах. Мягкая брезентовая подушка, призванная уменьшать шум от глайдерного движителя, так истрепалась, что больше походила на бахрому, смертоносный "хвост" с дальнобойным лазером был перебит и укреплен заново ржавыми распорками, неловко приваренными к боковым ребрам жесткости. Увидев эти распорки, Талли сразу догадался, что именно засек его радар.

Однако даже такой, полусломанный "скорпион", оставался страшным противником. Обе камеры объемного зрения на передней части машины функционировали. Обнаружив пустые сани, робот подлетел к ним вплотную, выпустил тонкие опоры и отключил нагнетатели.

Из люка между камерами выдвинулось щупальце с сенсором запахов. Талли ощутил, как сердце забилося сильнее. В ту ночь... Ребенок лежал между трупами родителей, покрытый их кровью, и "скорпион" его не засек. Эта... Проклятая железяка!

Ненависть рванулась в горло обжигающим свинцовым потоком. Талли молча дернул за провод. Щелканье чеки заставило робота мгновенно втянуть щупальце и развернуть лазер к саням, однако нагнетатели были уже выключены, и скрыться "скорпион" не успел.

Сильный взрыв подбросил старого робота, выворотив ему левый борт. Аэросани разметало в клочья. Тем не менее, хотя "скорпион" сильно пострадал, уничтожен он не был, и Талли уже готовился к последнему сражению, когда

подрезанная взрывом стена тяжело накренилась и рухнула, похоронив робота под обломками.

– Хэйя! – Талли издал торжествующий вопль. Выбравшись из укрытия, он, не удержавшись, подбежал к дергающемуся роботу и пнул его ногой. Потом, спохватившись, вытащил ключ, быстро отвинтил держатели на борту "скорпиона", открыл люк и повернул металлический тумблер. Сервомоторы последний раз взвизгнули.

Только теперь пришел страх. У мальчика подкосились ноги, он сел прямо в снег рядом с неподвижной машиной. Вокруг догорали брызги топлива из взорванного бака аэросаней. Несколько минут Талли тяжело дышал, пытаясь справиться с волнением.

Он не сразу заметил, что за рухнувшей стеной неизвестного здания лежало что-то очень странное.

Эстакада магнитки осталась далеко слева. Вездеход с урчанием полз по снегу, заметный с огромного расстояния. К счастью, недолгий штиль уже сменился свежим ветром, гнавшим хлорный туман с горячих озер, и Медведь вздохнул с некоторым облегчением. Поэтому сигнал по аварийной вибросвязи застал его врасплох.

Пару секунд Медведь недоверчиво смотрел на индикатор. Если глаза не ввали, его вызывал Талли. Но он же сто раз говорил парню, чтобы не пользовался связью в дневное время! Наверно, что-то случилось...

– Быстрее! – рявкнул Медведь.

– Тут был "скорпион"! – донесся слабый, обезображенный помехами голос. – Я его взорвал! Сани тоже!

Старый охотник мысленно застонал. Он уже надеялся без проблем добраться до убежища...

– Вернись к эстакаде. Я выезжаю.

– Поскорее! – голос Талли был едва понятен. – Я здесь такое нашел! Не

поверишь!

– Поверю, поверю... – пробормотал Медведь. Теперь придется ставить машину на автопилот, а самому ехать обратно на вторых аэросанях. Если появятся краты, это будет для них настоящим подарком.

Ругаясь вполголоса, старый охотник натянул антирадиационный скафандр, сменил баллоны с воздухом и выбрался на крышу вездехода. Вторые аэросани были закреплены на внешней подвеске, чтобы последний оставшийся в живых пилот сумел воспользоваться ими в одиночку. Медведь устроился на сидении, пристегнулся, запустил двигатель и повернул рычаг главного зажима. Хлорный туман рванулся навстречу.

Ориентироваться на следы вездехода было легко. Слишком легко. Любой крат выследил бы охотников с закрытыми глазами. Оставалось надеяться, что поблизости их нет.

"Может, пронесет" – вспомнил Медведь и стиснул зубы.

Он домчался до места за двадцать минут. Талли прятался в сугробе. Подбежав к старому охотнику, он уселся позади него в седло и жестом указал направление. Аэросани стремительно подлетели к руинам.

– Смотри, какого "скорпиона" я завалил! – не удержался мальчик.

Медведь только покачал головой.

– Молодец. Вытащи из него батарею.

Пока Талли исполнял приказ, охотник подошел к рухнувшей стене и задумчиво осмотрел то, что за нею скрывалось. Такого он еще не видел. ЭТО напоминало металлический скелет громадного зверя, вроде краты, но совсем иного вида, с остатками крыльев по бокам туловища. Гидравлические цилиндры и трубочки на месте главных мышц не оставляли сомнения, что находка была роботом, однако о таких роботах Медведь даже не слышал, а в этом деле он был специалистом. Единственное объяснение, приходившее на ум – Талли умудрился отыскать необычайную редкость, довоенного боевого дроида, которые триста лет назад сражались в пылающем небе, где еще не царствовали краты со своими летающими городами. Медведь невольно присвистнул.

Если перед ними настоящий боевой дроид, то он сохранился лучше всех, о

которых старому охотнику доводилось слышать. Скелет не был расплюсчен или сломан, лишь несколько "костей" казались погнутыми. Остов крыльев напоминал зонтик с оборванной обшивкой, однако ни реактивных сопел, ни винтов видно не было. Самой странной деталью оказалась "голова" – она сидела на гибкой шарнирной "шее" и походила на череп крата, только вдвое меньше нормального и вытянутый назад. Пожалуй, разобрав эту машину, можно будет узнать ее устройство и даже – чем черт не шутит? – попытаться ее восстановить... Ничего себе находка!

Тем временем Талли вернулся с сердцем "скорпиона", массивным радиоактивным цилиндром из ядовито–желтого металла. Медведь помог ему укрепить батарею на левой лыже аэросаней.

– Что думаешь? – спросил мальчик, кивнув на странного робота.

– Повезло.

– Знаешь, его на радаре не видно! – Талли протянул старому охотнику свой прибор. – Словно это и не металл вовсе! Здорово, правда?

Медведь нахмурил брови.

– Странно... – пробормотал он, глядя на экранчик радара.

– Ага, еще как! – Талли счастливо улыбнулся. – Потому его и не нашли раньше.

Айван, а как мы его заберем?

– Волоком, – мрачно отозвался охотник. – Вернемся сюда ночью.

– Но... – Талли замер от удивления. – Его же найдут краты!

– Лучше его, чем нас, – буркнул Медведь. – Двигайся, вездеход на автопилоте.

Постоянно оглядываясь, мальчик крепя сердце занял место в седле рядом с приемным отцом. Аэросани взвыли и рванулись прочь, подняв вихрь сверкающих ледяных пылинок.

Два мертвых робота остались лежать в руинах. Если бы Медведь знал, кого отыскал Талли, он бы трижды подумал, прежде чем сюда возвращаться.

– Мама! – Талли вскочил, судорожно озираясь. Тусклая лампа под потолком наполняла каморку мрачным красноватым светом, пахло потом и затхлой водой. Из ниши, выбитой в стене, торчал край ржавого железного подноса, где зеленели тошнотворные клубки мутировавших водорослей.

Глубоко вздохнув, Талли опустился на нары и устало протер глаза. Старые часы, которые он притащил из своего первого рейда с Медведем, невозмутимо показывали шесть часов утра, мультяшная птица на дисплее чистила перышки. Мальчик с трудом успокоил бешено колотящееся сердце.

Встал, привычно склонился к подносу с водорослями. Вкусный, немного одуряющий запах кислорода придал бодрости. Талли вытащил фильтр из настенного поглотителя и вытряхнул его над утилизатором мусора. Мутно– белые кристаллики углерода с шелестом исчезли во тьме.

На верхней полке нар грузно шевельнулся Медведь.

– Чего не спишь? – буркнул он.

Талли поднял голову.

– Сны...

– Пить надо больше.

– Айван, я такого никогда не видел, -забравшись по лестнице, мальчик уселся на край нар. – Даже по визору. Небо... Оно голубое, яркое– яркое!

Медведь привстал на локте и смерил Талли мрачным взглядом.

– Голубое небо, говоришь?

– Ага! – мальчик возбужденно кивнул. – Там было тепло, даже жарко. А море, ты только представь – море было... Ну... – Талли замялся, подыскивая сравнение. – Как мертвая ныршка!

– Чего? – моргнув, Медведь сел.

– Цвет, ну ты знаешь, – мальчик нетерпеливо мотнул головой. – Ныршку когда убиваешь, она ведь становится такая... Ну, серая с зеленым! Вот и море...

Старый охотник тяжело вздохнул.

– Наслушался ты Гинзбургов, парень.

Талли медленно покачал головой.

– Нет, Айван, – он серьезно посмотрел на приемного отца. – Это не мог быть город кратов.

– Будто ты его видел! – фыркнул Медведь. – Города сверху не такие, как снизу. Они парят над ламинарным слоем, там и небо голубое, и солнышко греет... Что б их всех пережгло в скорлупе... – он нахмурился. – Спать будешь?

Талли молча покачал головой. Медведь крякнул и поскреб в затылке.

– Тогда одевайся и иди на шестой ярус. У нас сыр кончился.

Мальчик удивленно поднял брови.

– Там же все спят сейчас...

– Ну так разбудишь, – буркнул Медведь. – Как принесешь, положи в холодильник. Меня не буди.

Кивнув, Талли грациозно спрыгнул на пол и принялся одеваться. Медведь с ворчанием повернулся на другой бок.

В коридоре дул прохладный ветерок, каморка Медведя находилась почти у самых жалюзей ярусного вентилятора. Это, помимо всего прочего, говорило об огромном уважении, которым пользовался старый охотник среди обитателей Шахты 17. Ни на одном из двадцати трех ярусов не было так, чтобы у самого вентилятора устроили персональную каморку: только лазареты да детсады.

Детсад был и тут, за соседней дверью. Талли хотел по– привычке скользнуть мимо, но замер, заметив хрупкую фигурку в белой рубашке до пят. Ребенок стоял у самого вентилятора, зажмурившись и раскинув руки. Поток воздуха развеивал длинные серебристые волосы.

Талли с болью стиснул зубы. В Шахте 17 кроме него самого жил единственный зоннер. Ее нашли под тушей убитого краты, на поверхности, около года назад. Никто не знал, сколько времени провела она в снегу, придавленная зловонным трупом ящера. Знали только, что выжила она чудом и навсегда утратила способность говорить.

– Лань, – тихо позвал Талли.

Малышка не шелохнулась.

– Лань, ты простудишься, – мальчик подошел к ней и ласково коснулся плеча. – Почему не спишь?

Она с трудом отвела взгляд от лопастей вентилятора, мелькавших за жалюзи. В больших глазах – серебристых, как и у Талли – застыло выражение страха и робкой обреченности. Имя "Лань" ей дали как раз за взгляд. Да и спасли, вероятно, лишь потому, что, посмотрев в эти глаза, только бесчувственный робот или надменный крат мог не содрогнуться.

– Пойдем, я отведу тебя в кроватку, – Талли улыбнулся. Девочка доверчиво взяла его за руку и молча, сосредоточенно, кивнула.

Талли долго смотрел на засыпающую малышку. Всякий раз, как он ее видел, в душе юного зоннера подымалась черная, ядовитая ненависть к миру, где они с Ланью обречены были жить. Он – уже двенадцать долгих лет, она – меньше пяти. Сколько же горя можно уместить в столь незаметный срок...

Талли уже шагал по мрачным каменным коридорам, поднимался по грубым лестницам, механически говорил пароль в ответ на оклики ярусных часовых, но в душе его по–прежнему стояли картины из прошлого. Каким-то непостижимым образом они смешивались с памятью о сне, накладывались друг на друга, и Талли видел дохлых кратов, валявшихся в пыли под лучами Солнца, видел стальных "скорпионов", в зловещей тишине мчавшихся над волнами серо–зеленого моря. Он знал, что воздушная подушка "скорпиона" с одинаковым успехом пронесет его и над водой, и над пустыней, и мысленно удивлялся самому себе, столь упорно ищущему рациональное объяснение даже мечте.

Шестой глубинный ярус находился гораздо ближе к поверхности, чем пятнадцатый, где жил Медведь. Это был предпоследний жилой уровень: выше пятого радиационная обстановка уже не позволяла обычным людям долго дышать отравленным воздухом.

Талли несколько минут шел по темному коридору, направляясь к большой молочной ферме, где держали мутировавших животных, когда заметил в одном из ответвлений слабый свет. Он хотел пройти мимо, но вспомнил, куда вел этот путь, и

словно прирос к месту. Любопытство было главной слабостью Талли.

Совершенно бесшумно, подобно туманному призраку, мальчик скользнул в коридор и подобрался вплотную к приоткрытой двери, из которой струился слабый свет. Там о чем-то беседовали люди; Талли прижался к стене и до предела обострил слух.

– ...не могли изготовить краты, – говорил техник по имени Меелин. – Да, тут есть стандартный разъем, но говорю тебе: в основе этой штуки лежит нечеловечья логика. Взгляни хотя бы сюда – скажи, какой инженер в здравом рассудке поставит обратные рычажные колена без демпферов, но с гидротрансформатором? Или эти энжекторы. Такое впечатление, словно, когда робот был цел, его покрывала плоть.

– Может, и покрывала... – угрюмо ответил другой человек. Талли вздрогнул, узнав голос капитана Джейсона, командующего вооруженными силами Шахты 17.

– А смысл? – возразил Меелин. – Мы до сих пор гадаем, из чего изготовлен его скелет.

– Фильмы, – внезапно сказал Джейсон. – Может, эта штука не настоящая. Для фильма.

– Но она работает, капитан, – заметил техник. – Я включал его, вытаскивая процессор; все системы в порядке. Он почти не поврежден, но если вставить процессор обратно, диагностика не проходит. Очевидно, его мозг сожгли импульсом ЭМИ.

– Так что же, пустим на запчасти? – спросил Джейсон.

Меелин помолчал.

– Пока нет, – ответил он после паузы. – У меня еще есть надежда. Если я прав... А я прав... Этот дроид должен быть знаком с нанотехнологией. Слишком странное у него устройство, да и материал явно не металлический. Включим его и погрузим в бак с питательной средой.

– Какой средой?

– Органикой, – Меелин ухмыльнулся. – Используем одного из замороженных кратов. Я добавлю в бак соли металлов и порошок арсенида галлия. Есть шанс... Возможно, он сумеет синтезировать новый процессор.

– Да ну... – недоверчиво протянул капитан Джейсон. – Будь у кратов такая техника, нас бы давно раздавили.

– До войны они тратили миллиарды на военные технологии, – возразил Меелин.
– Я видел обломки таких машин, в сравнении с которыми нынешние "скорпионы" не опаснее ныршек. Признай наконец: если бы краты действительно желали нас уничтожить, давно бы уничтожили. Мы полезные, – он гневно дышал. – Очищаем для них планету.

Капитан долго молчал.

– Хорошо, делай как знаешь, – сказал он наконец. – Только будь осторожен. Если эта штука заработает...

– Все учтено, – поспешно ответил техник. – Я собрал пульт управления.

– Ладно, – деревянный стул скрипнул, когда Джейсон поднялся. – Мне еще надо проведать пленника.

Меелин тоже встал.

– Как он?

– Грязная тварь! – с чувством бросил капитан. – Всадить бы ему нож в глотку, или в промежность... Чертов Гарсиа, на кой

ему понадобился это ящер, хотел бы я знать!

Послышались шаги. Талли быстро отступил назад и юркнул в дверь мастерской. Джейсон тяжело прошагал мимо, не заметив мальчика.

Юный зоннер беззвучно двинулся следом. Он чувствовал обиду на взрослых, отобравших его находку. В ту ночь, десять дней назад, когда город кратов пролетел над убежищем, они с Медведем отправились к месту битвы со "скорпионом" на грузовых аэросанях. Им повезло; роботов пока не обнаружили. "Скорпиона" разобрали на месте, разбитый тяжелый панцирь никому не был нужен. А неизвестный скелет пришлось тащить целиком, погрузив на импровизированную волокушу. К счастью, как всегда бывает после пролета города, на земле бушевал ураган, так что следов не осталось.

В убежище охотников ожидала семья беглых брэнов Гинзбург и капитан Джейсон. Гинзбурги собирались купить канистры с активированным песком, ради

которых Медведь, собственно, и ездил к озеру. Джейсон пришел, услышав о находке робота. Медведю пришлось отдать дроида в лабораторию.

Думая о подслушанном разговоре, Талли сжал губы. Из-за идеи мастера Меелина, теперь Медведю придется пожертвовать одним из убитых кратов, которые хранились в вечной мерзлоте на четвертом ярусе. Правда, кратье мясо было жестким и вонючим, его никто не любил, но в случае голода оно могло бы спасти много жизней...

Тем временем Джейсон дошел до лестницы на пятый ярус. Дальше прятаться было невозможно и Талли, весело подпрыгивая, догнал его и "ненароком" столкнулся.

– Ой, капитан! – мальчик моргнул. – Я вас не заметил!

– Талли? – Джейсон нахмурил брови. – Что ты тут делаешь в шесть утра?

– Мне не спалось, а у нас кончился сыр, и Медведь отправил меня на ферму, а я увидел свет в коридоре и решил посмотреть, кто еще не спит, а там были вы, и я случайно услышал, что вы идете к пленнику, а можно мне с вами, я хочу посмотреть?!

– на одном дыхании выпалил Талли.

Джейсон покачал головой.

– Подслушивать нехорошо.

– Я не подслушивал! – возмутился Талли. – Я шел по коридору и услышал как вы разговариваете. Можно с вами, капитан? Пожалуйста, ну пожалуйста! Я еще ни разу не видел краты! – "...живого", мысленно добавил мальчик.

Капитан вздохнул с досадой.

– Ну, пошли. Только молча.

– Мм– мм! – Талли просиял.

Они подошли к пропускному шлюзу, где Джейсон надел респиратор; воздух на пятом ярусе был уже опасен для простого человека.

Для Талли, как и для кратов, радиационная опасность почти ничего не значила.

Пленника держали в старой нефтяной цистерне на краю пятого яруса. Когда люк с лязгом открылся и тусклый желтый свет проник в темницу, обмотанный цепями ярко– красный ящер, лежавший в углу, с шипением накрыл голову крылом: его держали в полной темноте.

– Ну вот, смотри, – голос Джейсона из– под респиратора звучал глухо.

Талли смотрел. Живой крат ничем не напоминал картинки или замороженные трупы, хранившиеся в запасниках. Ящер был намертво связан, хвост привинтили к стене несколькими стальными скобами, и все же в нем ощущалась неземная грация и легкость. Талли подумал, что хорошо понимает, почему краты так любят подобные тела: он бы и сам не отказался воплотиться в этого мощного зверя... Проникнуть в город... И рвать, рвать, рвать!!!

– Гадина, – прошептал Талли.

Крат поднял голову, подслеповато моргая.

– Лю– юди... – протянул он низким, с хрипотцей голосом.

Джейсон выругался.

– Да, тварь, люди! – капитан остервенело пнул ящера в челюсть. Большая голова краты дернулась, он невольно издал шипение. Джейсон ударил его снова.

– Спрашиваю последний раз, погань. В твоих интересах ответить правду. Что ты делал в шахте?

Крат закрыл глаза. Его бока тяжело вздымались.

– Я не тот, кем кажусь, – ответил он с трудом. – Пожалуйста, умоляю, просто выслушайте. Я не вррааг, я прилетел с другой планеты...

Джейсон схватил ящера за рог и рывком повернул его голову к Талли, застывшему у дверей.

– Смотри туда, – с ненавистью бросил капитан. – Видишь мальчика? Всю его семью вырезала одна из ваших машин. Семь лет назад я потерял жену и дочь, когда тварь, похожая на тебя, решила со скуки поохотиться ночью!

Он скрипнул зубами.

– Клянусь памятью дочери, ответь на все вопросы и я дам тебе быструю смерть, но если опять начнешь лгать о планетах...

– Я не лгу!!! – с такой яростью рывкнул крат, что Талли отпрянул. – Ты,

надменная обезьяна! Что значат твои жалкие муки в сrrрравнении с судьбой моего нарррода?!

Он мотнул головой, вырвав рог у Джейсона, и обратил на капитана взгляд, полный ненависти.

– Ты– ы... –крат сузил зрачки. – Выслушай до конца! Хоть раз! Я не ваш враг! Я врраг ваших врагов, они мои враги, врраги моего рррода!

Он бешено дернулся, звякнув цепями.

– Здесь была колония! С планеты Корд– 4! Давно! До вашей пррроклятой войны! Теперь все мертвы, все мои ррродичи, их убили, даже хуже, забррррали душшши!

Ящер обратил взгляд на Талли.

– Ты попррекаешь меня этим детенышшшем? – спросил он, задыхаясь от ярости. – Знаешшшь ли ты, что делают в городах с НАШИМИ детьми?!

Могучее, покрытое чешуей тело краты содрогнулось.

– Я не веррил... – прошептал он. – Глаза отказывались видеть, мозг отказывался думать, серррдце не могло биться! Когда я прилетел... Они... Сначала решили, что я один из них! Я!!! Один из НИХ!!! – ящер издал такое рычание, что старая цистерна отозвалась резонирующим звоном. Талли невольно прижался к Джейсону.

– Я поступил глупо, – продолжал пленник. – Надо было игррррать в их игрррры... Пока не проберррсь к кораблю... Но они поняли, они все поняли, когда я разорвал их укрррротителя... Укрррротители!!! – проревел крат. – Они берут наших детей, едва вылупившихся, и выжигают им душшши! Заменяют на обезьяны! Ты, ты – способен представить?! – ящера трясло. – Я видел... Фабрррки!!! Ты видел, млекопитающщщщий?! Ты видел, как жирные обезьяны переписывают свой грязный разум в тела наших детей, и живут веками, будто рождены крылатыми?! ОНИ! ОНИ смеют летать!!! – крат, выпустив когти, процарапал в стальном полу глубокие борозды. – Я, Шерр'кхан, не справился с собой, выдал, подвел весь рррод, я, я, я!

Внезапно, понизив голос, ящер почти спокойно спросил:

– Чем ты грозишшшш мне, двуногий? Смеррртью? Пытками? О, как ты жалок... Я был на фабрррике, где моих родичей ррразводили, будто мясной скот, резали "негодных" детей, выжигали душшши всем остальным. Твои соплеменники, человек,

отбраковывают нашших детей, если они не того цвета, или слишком умные, непригодные для... укращения... – ящер сглотнул. – Полагаешь, после всего ЭТОГО я смогу жить? Я держусь лишь надеждой. Надеждой сообщить домой про ваш... ад, да? Вы ведь это так называете?

Джейсон с улыбкой потрепал Талли по голове.

– Нравится ящер? – спросил капитан. – Мы уже неделю слушаем его бред. Хотел бы я знать, зачем он понадобился моему заместителю.

Крат яростно дернулся.

– Отпустите меня! Я должен сообщить домой!!! Вы не понимаете, здесь же ад! Ад!!! Ад... – люк цистерны с грохотом захлопнулся, оборвав ящериный голос. Талли глубоко вздохнул.

– Значит, и краты бывают безумны? – спросил он у Джейсона.

Капитан кивнул.

– Как видишь.

– А вдруг он не врет? – с замиранием сердца спросил Талли. – Вдруг он и правда наш союзник?

Джейсон усмехнулся.

– Мы очень хотели в это верить, малыш. Даже взяли у ящера пробу ДНК и выслали агенту в город, чтобы тот проверил в базе...

Талли замер.

– И?..

– ...и он проверил, – капитан невесело вздохнул. – Талли, мы сейчас говорили с кратом по имени Кларк Эванс, он владелец воздухоочистительного завода, и живет в Торонто. Красного ящера последней модели, которого ты видел, Эванс купил полгода назад, когда его предыдущее тело во второй раз сломало крыло и перестало быть надежным.

Талли поник.

– Так он все наврал...

– Конечно, – Джейсон пожал плечами. – Или в самом деле спятил. Я думаю – спятил, поскольку нормальному крату в жизни не пришла бы в голову мысль выдать себя за ящера– носителя, внезапно получившего разум! – капитан фыркнул. – Редкий

бред, правда, малыш?

– Ага, – уныло отозвался Талли. – Капитан, спасибо вам за... экскурсию.

– Ты смотри, слова-то какие... – с улыбкой протянул Джейсон. – Экс– кур– сия... Знаешь, Талли, когда я был в твоём возрасте, из всех жителей шахты читать умели лишь пятеро.

– Не может быть! – мальчик открыл рот.

– Ещё как может, – вздохнул капитан. Они уже подошли к пропускному шлюзу и Джейсон снял респиратор. – Ладно, малыш, беги на ферму. Медведю передай – мне скоро потребуется один из добытых им кратов, пусть отберет самого гнилого.

Молча кивнув, Талли продолжил свой путь. В душе у него царило смятение.

С памятного разговора в цистерне прошло пять дней, но мальчик никак не мог забыть сумасшедшего ящера. Жизнь после успешного рейда текла неторопливо и скучно, Медведь большую часть дня отсыпался в кровати или неторопливо прогуливался по ярусам, изредка вступая в пустые беседы с такими же, как он, знатными охотниками. Вечера всегда несли с собой домино, карты, не самый приятный запах гидробионики и – скуку, понять которую едва ли смог бы другой человек. Ведь любой человек, в отличие от Талли, всегда ощущал вокруг "своих", и это мощное стадное чувство замечательно успокаивало.

К счастью, Талли нашел себе развлечение: он целыми днями пропадал в лаборатории мастера Меелина, где тот вместе со старшим Гинзбургом пытался починить таинственного дроида. находка мальчика с каждым днем ставила перед взрослыми все больше и больше загадок.

Дроид и в самом деле использовал нанотехнологии. Едва его погрузили в огромный чан с органическим бульоном издохлого краты, как вокруг скелета начала непостижимым образом нарастать плоть. Всего за день процесс завершился, и глазам изумленных людей предстало странное существо – нечто среднее между кратом и тяжелым танком. Конструкция робота была лишена всякой логики, бронированные щитки соседствовали с обнаженной плотью и, хотя внешний облик машины поражал

своим совершенством, ни малейшего признака рациональности в ней не наблюдалось. Робот казался декоративной – удивительно красивой и бесполезной – игрушкой, а не боевой машиной. Это в очередной раз подняло вопрос об его истинном предназначении.

– Говорю, бутафория для кино, – утверждал Гинзбург.

– Слишком уж дорогая бутафория... – мастер Меелин с каждым днем становился все мрачнее, поскольку никаких признаков возобновления мышления дроид не проявлял.

Талли предположил, что перед ними ранняя модель носителя для разума кратов, однако взрослые отмахнулись от этой идеи.

– Такое чудо и сегодня не построить ни в одном городе, – объяснил Меелин обиженному мальчику. – Если б не стандартный разъем на шее, я бы даже сказал, что дроида создали не люди.

– А кто же тогда? – удивленный Талли оглянулся на сказочно красивую, стремительную машину, безвольно валявшуюся на полу в углу лаборатории.

– Если б я знал, малыш... – Меелин утер со лба пот. – Если б я знал...

Но прошло еще три долгих дня, прежде чем удивительный случай приоткрыл завесу тайны. И в этот раз, вновь, решающую роль сыграло неумное любопытство юного зоннера.

Был уже поздний вечер, Гинзбург давно ушел, а Меелин дремал в кресле, уронив голову на грудь. Скучающий Талли возился с кристаллами от визора – ему хотелось вновь увидеть голубое небо, последнее время это превратилось у мальчика в настоящую манию. По левую сторону лабораторного стола тянулся ряд розеток под различное напряжение. Совершенно случайно, Талли подключил сетевой кабель в розетку на 480 вольт и, в тот же миг, услышал за спиной шум. Обернувшись как ужаленный, он успел заметить движение бронированного хвоста дроида – тот приподнялся на полметра и вновь замер в неподвижности. Восхищенно открыв рот, мальчик оглянулся на выключенный визор.

– Блок питания... – прошептал Талли. Бросившись к полке с инструментами, он схватил первый попавшийся трансформатор и, недолго думая, сунул оголенные концы проводов в розетку. Вспышка и грохот разряда разбудили даже мастера Меелина.

– Талли? – спросил тот, протирая глаза. – Что ты де... О– о– о!

Мальчик тоже потерял дар речи. Они с мастером молча смотрели, как робот в углу медленно поднимает голову, смешно моргая металлическими веками.

– Как? – прошептал Меелин, когда немного опомнился.

Талли кивнул на обугленный трансформатор. Меелин открыл рот.

– Ну конечно, процессор давно сформировался и был отключен... – не сводя глаз с дроида, он нашарил на столе пульт управления. – Талли, звони капитану...

Мальчик дернулся исполнить приказ, но не успел, поскольку древний робот заговорил. И слова его мгновенно разнесли вдребезги все теории, что строили люди.

– Персональных настроек не обнаружено, включая базовый профиль "домашний помощник", – бодрым мощным голосом заявил дROID. – Идет анализ локации.

Талли и Меелин переглянулись. Между тем робот пружинистым движением вскочил на ноги – пол даже вздрогнул от такого издевательства – и элегантно поклонился, расправив крылья параллельно земле.

– Гравитационный анализ подтверждает локацию, – сообщил дROID – Напоминаю, что функция спарринг– партнера на Земле запрещена и будет отключена до отлета с планеты.

– Какая функция? – сдавленно переспросил Меелин.

– Спарринг– партнер, – бодро ответил робот. – В соответствии с конвенцией о мирном космосе, пункт девять тысяч сто шестой, параграф сто девяносто первый, продукция, поставляемая на экспорт, не должна содержать потенциально опасных функций. Обучение боевому искусству признано опасным видом тренировок на ста сорока шести планетах Союза, включая Землю.

Талли, не веря собственным ушам, подался вперед.

– Ты с другой планеты?!

– Просьба уточнить: вас интересует точка производства или продажи? – спросил робот.

– Производства... – выдавил Меелин. ДROID перевел на него взгляд светящихся белых глаз.

– Извините, но запрос и подтверждение должны исходить от одного лица.

Талли сглотнул.

– Где и когда тебя сделали? – спросил он нерешительно.

Робот ответил без малейшей запинки:

– Фабрика "60", Корд– 1, 2207– й земгод, пятое января, дата окончания тестирования 11:49:02.

Талли задохнулся. Прервать молчание сумел лишь Меелин, и тот не сразу.

– Любопытно, – с трудом придя в себя, заметил мастер. – Шесть веков назад... Чертовски любопытно. Талли, ты позвонишь капитану или мне сделать это самому?

– Я... – мальчик судорожно вздохнул. – Мне... Надо идти...

– Ты хочешь уйти?! – Меелин недоверчиво оглянулся. – Сейчас?!

Талли с отчаянием кивнул.

– Мне очень нужно!

Потрясенный мастер машинально развел руками.

– Ну что ж, иди...

– Скоро вернусь, – выдавил Талли и опрометью бросился прочь.

Еще никогда его сердце не билось так отчаянно.

5

На пропускном пункте Талли пришлось использовать всю силу воли, чтобы выглядеть невинно. Но солдаты не особо приглядывались. По пустынному пятому ярусу пугающе металось эхо, когда Талли бежал вдоль сумрачных коридоров. Постоянной охраны здесь никогда не держали...

Люк открылся с оглушительным скрипом. Морщась от вони – цистерну никто не убирал – Талли забрался на лесенку и ступил в темницу пленного крата. Тот неподвижно лежал в углу в луже собственных испражнений.

– Шерр'кхан! – позвал мальчик.

Ящер не реагировал. Талли, глубоко вздохнув, подобрался к нему ближе и толкнул ногой. Зверь слабо застонал.

– Шерр'кхан, с какой планеты ты прилетел? – тихо спросил мальчик. – Прошу, мне надо знать. Это очень важно.

Крат с огромным трудом приподнял воспаленные веки и некоторое время молча смотрел на Талли.

– Зачем? – прошептал он с мукой.

– Я должен знать!

– Я скоррро умру... – прошептал ящер. – И вам будет некого выссмеивать...

Талли в отчаянии топнул ногой.

– Прошу, скажи! Я не смеюсь!

Крат опустил веки.

– Мой мир носит горррдое имя, – выдавил он. – Вам его не выговорррить.

Талли упрямо мотнул головой.

– Нет, ты уже называл эту планету, когда я был здесь неделю назад!

Ящер слабо качнул головой.

– Ложь, – ответил он едва слышно. – Я говорил, откуда прилетели погибшшие колонисты. Их мир носит имя Корррд–4. Сам я с дрругой планеты и никогда не бывал в системе Корррд...

– Корд! – Талли отпрянул, в ужасе глядя на изможденного ящера. – Черт, так ты не врешь!

Крат приоткрыл глаза.

– Верришь? – спросил он тихо.

– Теперь верю... – Талли зажмурился и яростно мотнул головой. – Нет, еще не верю! Капитан сказал, что проверил твою кровь в городе! Ты есть в их базе данных!

Ящер хрипло вздохнул.

– Конечно, ессть. Меня приняли за одного из нихххх... – он слабо зарычал, но тут же закашлялся и умолк. Продолжил лишь после паузы, явно преодолевая боль:

– Я приземлился в горах... Покинул корабль, и меня ссразу сбила летучая машшина людей. Почти насссмерть. Когда пришшел в себя, все называли меня Кларрк... – ящер вновь попробовал зарычать. – Нассстоящий Кларк пропал много дней назад. Его все иссскали, а нашшли меня... И перрепутали. В базу занессли мои данные...

Талли топнул ногой.

– Почему ты не рассказал все это капитану?!

– Я рассссказывал... – прошептал ящер.

Талли недоверчиво оглядел пленника.

– Потрясающе! – мальчик всплеснул руками. – Так что же выходит, все краты могут думать сами?! Без людей?!

Ящер рывком приподнял голову и гневно взглянул на Талли.

– Кто ты, взявшший на ссебя право издеваться надо мной? – хрипло прорычал пленник.

Талли вздрогнул.

– Я не издеваюсь, – сказал он тихо. – Я тебе верю, Шерр'кхан. Теперь верю.

Ящер, видимо, истратив остаток сил, вновь уронил голову на грязный пол.

– Какая ррразница... – прошептал он с мукой. – Мне уже не долететь до корррабля. Я умррру здесь, и мой нарррод проведет еще долгие годы в самом стрррашном рррабсте в галактике...

Талли отчаяно замотал головой.

– Нет! Не проведет! – он упал на колени и заглянул в громадные глаза изнуренного ящера. – Я найду твой корабль и подам весточку! Твои родичи уничтожат всех кратов, ведь правда?

Шерр'кхан слабо растянул чешуйчатые губы в улыбке.

– Глупое млекопитающщее, – шепнул он. – Сссигналы не летают быссстрее сссвета. Только корррабли.

– Тогда я освобожу тебя! – гневно стиснув зубы, Талли встал. – И ты сам полетишь домой!

Ящер с хрипом втянул воздух сквозь окровавленные ноздри.

– Я даже ххходить не могу...

– Сможешь, – с неожиданной злостью бросил Талли. – Вспомни, что делают в городах с вашими детьми. И что они делают с нами! – он ударил себя в грудь. – Я пошел за инструментами. Будь готов, когда я вернусь.

Больше не тратя время, мальчик бегом бросился прочь. Его провожал взгляд огромных черных глаз с вертикальным зрачком.

"Он не дойдет", понял Талли спустя пять минут после того, как ржавый грузовой лифт доставил их с Шерр'кханом на поверхность. Измученный ящер едва переставлял лапы, хвост и крылья безвольно волочились. Вдобавок погода была плохой, метель гнала серую поземку по радиоактивной земле. В совершенно чистом небе, шокирующим застывшим ливнем сияли мириады звезд.

– Далеко твой корабль? – уже безо всякой надежды спросил мальчик. Толстая меховая одежда сковывала его движения, но в сравнении с Шерр'кханом Талли выглядел просто реактивным.

Ящер в ответ на вопрос с трудом приподнял голову и огляделся.

– Слишшшком далеко... – сказал он мертвым голосом.

Мальчик стиснул зубы.

– Ты хорошо переносишь радиацию? Как все краты?

– Я не кррррат! – рявкнул Шерр'кхан.

– Да, да. Так все же?

– Очень хорошшшо.

– Тогда иди вон к той воронке, – Талли указал на ближайший кратер. – Там всегда тепло и ты не замерзнешь. Я скоро вернусь.

Шерр'кхан поднял голову.

– Куда ты?

– За вездеходом... – хмуро отозвался Талли.

Лифт уже ехал вниз, а плана у мальчика так и не родилось. Похитить последний большой вездеход Шахты 17 означало обречь сотни людей на голод и смертельно опасные лыжные рейды. Аэросани просто не сдвинут огромного ящера с места...

Двери раскрылись на пятнадцатом ярусе, и все мысли начисто покинули голову Талли. У самого лифта стоял Медведь. Старый охотник бросил на приемного сына лишь один короткий взгляд, но этого хватило мальчику, чтобы понять: Медведь ЗНАЛ.

– Айван... – Талли подошел к охотнику. – Надо поговорить.

Медведь угрюмо качнул головой.

– Не о чем.

– Я должен был его выпустить! – горячо возразил Талли. – Это наш

единственный шанс!

– Шанс? – Медведь грузно повернулся всем телом и скрестил за спиной руки. – Шанс был. Теперь его нет. Теперь краты знают, где вход в шахту 17.

Талли яростно вскинул голову.

– Они и раньше знали!

– Это тебе новый дружок сообщил? – усмехнулся Медведь.

Мальчик стиснул кулаки, но ответил спокойно:

– Нет. Так сказал мастер Меелин капитану Джейсону.

– Ну– ну... – Медведь угрюмо отвернулся. – Ко мне-то зачем пожаловал? Ты теперь взрослый, вон какие решения принимать научился. За всех скопом.

Талли едва не заплакал, но страшным усилием воли сдержался. Он не имеет права сдать сейчас.

– Шерр'кхан умирает, – тихо сказал мальчик. – Он сейчас на поверхности, прямо над нами. Если ему не помочь, все погибнет, и краты продолжают управлять нашим миром.

Медведь приподнял левую бровь.

– Вот как?

– Да! – гневно, глотая слезы, Талли схватил названного отца за руку. – Айван, Медведь, учитель, ведь я никогда не подводил тебя раньше. Поверь мне сейчас! Шерр'кхан не крат, он настоящий пришелец! Я проверил!

Охотник долго молчал.

– Мал ты еще, Талли, – глухо ответил он наконец. – Слишком мал для такого выбора.

– Пожалуйста, поверь мне! – взмолился мальчик. – Это наш первый и последний шанс свергнуть кратов! Разве ты не мечтал сбить их проклятые города, разрушить концлагеря брэнов?!

– Хорошо ли ты все взвесил? – очень серьезно спросил Медведь. – Допустим, твой ящер и в самом деле ящер, а не поганый аристократ из Торонто. Ты подумал, что станет с нами, если из космоса нагрянет целый флот разъяренных ящеров?

Талли запнулся.

– Но... Но они же не нас резать станут!

– А кого? – тихо спросил Медведь. – Ты не видел войны, малыш. На такой войне нет времени разбирать, кто друг, кто враг. Да, мы ненавидим кратов не слабее, чем ящеры, но ведь и мы, и краты – люди. Нас уничтожат всех вместе...

– Нет! – яростно прервал Талли. – Ты неправ! Посмотри на меня! – он гордо вскинул голову. – Шерр'кхан такой же ящер, как и носители кратов, но он нам не враг, и я это понял! Я ему помогаю! Так и они, когда прилетят, поймут где друзья! Как понял я!

– Ты не человек, Талли, – сурово сказал Медведь.

Эти слова буквально заморозили мальчика.

– Что? – спросил он после долгой паузы.

– Ты не человек. Ты зоннер.

Талли сглотнул.

– И... И что?

– Ни один человек не стал бы помогать Шерр'кхану, – угрюмо ответил Медведь. – Пойми, он наш враг. Ящер или крат – нет разницы, он ненавидит нас всех. И уничтожит при первой возможности.

Талли молча стоял, глотая слезы. Медведь смотрел в сторону.

– Дашь нам вездеход? – после долгого молчания спросил мальчик.

Медведь с болью зажмурился.

– Нет, – сказал он глухо. – Я не имею права.

– А если б имел, дал бы? – совсем тихо спросил Талли.

Старый охотник медленно покачал головой.

– Почему? – Талли сжал кулаки.

– Мне жаль Шерр'кхана, но страдания ящеров – не наше дело, – хмуро отозвался Медведь.

– Они страдают по нашей вине.

– Мы не отвечаем за кратов.

– Но отвечаем за себя!

– За себя я и отвечаю, – буркнул Медведь. – Разговор окончен. Можешь возвращаться к своему ящеру. Его не тронут, Джейсон обещал.

Талли отпрянул.

– Капитан знает?!

– А ты думал, нет? – Медведь фыркнул. – Тебе позволили еще разок проверить ящера. Он, кажись, и в самом деле не крат, иначе я давно поднялся бы на поверхность с винтовкой.

Стиснув зубы, Талли отрывисто кивнул и вошел в кабину лифта. Медведь смотрел ему вслед.

– Все же уходишь? – угрюмо спросил старик.

– Это мой выбор, – коротко ответил мальчик и нажал кнопку первого яруса. Там, спрятанный среди торосов, стоял последний вездеход Шахты 17. Медведь давно обучил приемного сына, как заводить вездеход без кодовой карты – на случай его, Медведя, неожиданной смерти.

Пока кабина поднималась, Талли стоял с закрытыми глазами. Он вспоминал свою жизнь среди людей, вспоминал несчастную малышку Лань и чувствовал, как черная ненависть к кратам захлестывает душу.

Он, не задумываясь, продал бы эту душу за шанс отомстить.

В принципе, так он и сделал.

Конец